

-... во время последней попытки разрушить цель № 23, у осадной мортиры № 504, лопнул торсион первой колёсной пары,- продолжил докладывать лейтенант Гамма, - Возможно, это произошло от слишком частой частой стрельбы из нашего последнего орудия. В том числе вынужденной - из походного положения. До окончания временного ремонта, мортира № 504 нетранспортабельна и не может быть перемещена на более выгодную позицию. Остальные механизмы находятся в полной исправности, мортира надёжно укреплена на временном основании и может продолжать стрельбу. Но врядли будет иметь смысл продолжать обстрел цели № 23, надёжно прикрытой остатками высотных зданий и промышленных сооружений. Вот...

Он достал из планшета наскоро набросанный абрис, с нанесёнными высотами препятствий и блокнот - расчётами высот траекторий, выполненными для всех возможных углов возвышения его мортиры.

Через пару секунд, всем собравшимся стало ясно - как именно цель № 23, она же высота 540 - а именно такова была высота этого сооружения, - уцелела, несмотря на многочисленные попытки её уничтожить. Ещё с тех времён, когда у них ещё было шесть мортир и к ним - достаточно снарядов.

Довольно тонкая, чтобы попасть в неё иначе как случайно, похожая на иглу из стали и бетона, она имела поддерживающее её в небесах расширяющееся к низу конусообразное основание из бетонных арок -достаточно большое, чтобы оно могло служить мишенью для обстрела и явно недостаточно прочное, чтобы, в довесок к огромной массе башни, выдержать ещё и попадание мортирного снаряда. Тем не менее, она стояла до сих пор.

И, только благодаря тому что с неё все позиции Черепов были как на ладони, местным удавалось удерживать их здесь - снарядов у них было много и лупили они, на малейшее движение, до полного прогара стволов. Правда, выбить Черепов с занятых позиций, у них тоже не получалось.

Потому что у тех были мортиры.

Мортир теперь не осталось.

А всё из-за высоты 540 и их дальнбойных пушек!

-... У нас не хватит боеприпасов, чтобы разрушить всё, что лежит между нами и основанием башни.

Полковник понимал, что сказал ему лейтенант Гамма. Жить последнему оставшемуся у них орудию до первой атаки на их позиции.

Мортира будет вынуждена заговорить, чтобы остановить брызжущее слюной пушечное мясо. Только выстрел из осадной мортиры, способен заставить этих бешеных пригнуться, взглянуть на небеса, где чертит - чёрным по чёрному, - превращающая

огромные бетонные кубы зданий в груды щебня - фугасная граната! И тогда, плохо вооружённая толпа... Даже огромные мутанты не обращающие никакого внимания на жгущий их искажённые химией и колдовством тела огонь невидимых рентгеновских лазеров пехоты...

Бум!

И побегут! Под огнём артиллерии страшно всем - и исключений нет. Даже колдуны бросят вырубленные из листов стали и сваренные из ржавой арматуры знамёна своих богов. Даже боги не защитят их от осадной мортиры № 504.

Посыпется земля из трещин в потолке - на карту, в металлические кружки с горьким отвратительным кофе.

Бррум!

А дальше загрохочет, повалит - будто с самых небес горох сыплут. Долго. Вся планета дрожать будет. И не успокоится пока есть на этом свете мортира № 504.

Два выстрела. Врядли они сделают больше.

То, что мортира и лейтенант Гамма оставались всё ещё живыми после последних двух выстрелов, стоивших мортире возможности передвижения, было самым настоящим чудом. Нет, то, что первый снаряд обрушил край жилого блока чудом не было. Чудом, правда, каким-то злым - но к злым чудесам здесь давно привыкли... Так вот, таким чудом было бы лейтенант Гамма-Весна-582 вообще бы не попал в огромный бетонный прямоугольник, похожий на поставленную на бок, многократно увеличенную батарею от пехотной винтовки. Но нет - он не промахнулся.

Чудо заключалось в том, что лейтенант, на предельной дистанции, из ствола от которого уже начали отлетать куски металла, всё же положил снаряд, воспользовавшись образовавшимся "окошком" в десяток жалких метров - точно в одну из подпиравшей башню-иглу арок. Едва видную с позиции мортиры №504 через образовавшийся пролом.

Вот после второго выстрела у них и лопнул торсион.

Вот после второго выстрела, Башня накренилась.

Видимо, только поэтому их наблюдатели так и не сообщили - где они видели вспышки выстрела и клубы дыма. А больше выстрелов Гамма не делал, опасаясь, что во вздрогнувшем и осевшем орудии сломалось и что-то посерьёзнее.

Они ведь опять стреляли из походного.

Цель №23 использовалась их противником для корректировки огня своих, не таких страшных как мортира № 504, но более дальнобойных и очень многочисленных пушек. И блесит так же -ещё не выбитыми стёклами. Прямая как игла. Нет, не совсем.

Всё же можно заметить, что она немного отклонялась от вертикали. "Немного" - это даже через защищённую и мощную оптику перископа командного бункера. Едва на одного деление ушла. Метров десять от вертикали. Бывший лейтенант Весна-Гамма знал своё дело.

Остальное довершат инженерные заряды.

Завтра, когда утихнет пылевая буря.

Завтра?

В бурю было бы легче подойти к Башне. Если бы это был обычный песок. Но это местная, сильно металлизированная пыль. Она выводит из строя любую технику. А взрыватели должны, обязаны сработать.

Почему мы ничего не говорим ничего? Потому что все слова обуглились в атомном огне.

Почему у нас нет имён? Потому что мы все мертвы. А у мёртвых есть только номера на медальоне - для учёта и архива.

После атомных взрывов от наших тел остались только тени.

Все мы - только лишь тени уносимые ветром.

Ветром в котором летит здешний, похожий на наждак, песок. И ещё лёд. Жёсткий, холодный лёд. Он тает внутри противогаза, забиваемый силой ветра даже в микротрещины резины. Тает превращаясь в горькую воду с химическим вкусом.

Имя - это же вечное клеймо.

А что есть постоянного в мире пыльных призраков, рождаемых воющим песком и соскальзывающими по нему молниями, которые породило кручение вихрей железной пыли в магнитном поле планеты?

А мы - тени.

Тени Его сна.

Тени Его света.

Забери меня с собой, о Император, когда проснёшься...

Инженерный заряд похож на перевёрнутый котелок. Нет, не такой как обычная солдатская манерка, а настоящий, огромный котёл - вроде тех, в которых варят согнанным на долгое и тяжёлое строительство рабочим пищу. Даже ручки есть, как у котла. Вот только котёл этот не закопчён, как полагается всякой достаточно долго прослужившей посуде, а строгого, серо-стального цвета. И ещё он намного тяжелее котла с похлёбкой. Один бы человек ни за что не смог бы бежать с ним по узкой траншее, да ещё пригнувшись - так, как несущие его гренадеры

Плюх! Плюх!

Вода на дне окопа, натаявшая из нанесённого снега, никогда не замерзает. Только намерзает тонкий лёд сверху.

Плюх! Плюх!

Мочит обмотки, просачивается сквозь крепко туго вбитые гвозди на подмётке.

На лёд, который сейчас ломают ботинки, идёт пресная вода. А та, что под ним настолько солонa, что не замёрзнет даже зимой - не то что сейчас, летом. Она пропитана самым

древним холодом, ещё с позапрошлой зимы, когда они только пришли сюда. Вместе с водой, та зима потихоньку проникает в обмотки, пропитывает полы шинели, делая её тяжелее. Просачивается эта зима - вода и в поры пропитанной карболкой кожи ботинок, сжимая ноги в ледяных тисках.

Впрочем, до этого никому нет дела. Ведь тяжесть заряда режет руки, даже сквозь беспальные перчатки. Плечи тянут лямки батарейного блока, а о кирасу, надоедливо так, как часы в пустой комнате - колотится связанная с батареей пуповиной бронированных кабелей, тяжёлая как нераскаянный грех импульсная винтовка типа "Луций".

Больше мили песка. Песка когда-то бывшего плодородной землёй, удерживающей воду глиной. Удивительно, но это правда. Тут, в самом деле, был огромный парк - остатки древнего леса, того, что был до прихода людей и их машин.

Теперь здесь только песок.

Пока не утихла прикрывающая их буря, которую теперь не гасят погодные установки и о которой теперь не предупреждают спутники - надо пройти эту милю открытого пространства. По разбитому чёрному покрытию старой дороги. Напрямик. Через чёрные деревья. К серой Башне.

Если буря вдруг начнёт затихать, то заговорит мортира.

Может быть, взрывам снарядов удастся достаточно долго отвлекать внимание от их группы.

Может быть, гренадерам удастся взорвать первый заряд и обвалить Башню -до того, как утихнет буря.

Может быть, хотябы после второго взрыва - Башня начнёт падать.

Может, им удастся занять и удерживать её - достаточно долго, чтобы артиллеристы и приданный им десяток солдат, которые сейчас пытаются снять массивное колесо, сбить прикипевшие болты и гайки, смогли бы наконец, выбить из своего уютного гнезда треснувшую пополам здоровенную ось.

Успели бы проварить и, придавая хоть оси какую-то прочность, наляпать, поверх трещины, полосы какого-нибудь железа из развалин. И успели бы поставить на место. Потом эта ось снова лопнет.

Но, может быть, так получится дать ещё пару выстрелов, в сторону Башни, и - переместить орудие.

Пусть у них получится - хотябы! - переместить орудие.

Ведь хорошо - если не зря.

Мутант!

Ярость вспыхнула в груди подобно невидимому рентгеновскому пламени.

Но эмоции никак не повлияли на точность стрельбы

Серией импульсов винтовка взорвала огромную тушу недочеловека сразу в нескольких местах. Медленное человеческое сознание, отстранённое от сражения до автоматизма заученными движениями, от нечего делать, подрисовывало к картинке боя несуществующий красный луч, протянувшийся от раскалённых молибденовых зеркал прожигателя до тела нелюдя. X-лучи невидимы, но сознание отказывалось в это верить и всё.

Запахло сгоревшим жиром и мясом - настроенный на максимальное поражение незащищённого тела импульсник наносил такие раны, которые не могло выдержать даже это искажённое и усиленное механикой тело.

Выстрелы с верхних спиралей лестницы грохнули внутри полого бетонного цилиндра как быстрое барабанное соло. Четыре пули, прилетевшие в ответ на треск его оружия, ударили в грудь и разлетелись почти безобидными шариками расплавленного свинца. Даже у самой крупной пули ручного автоканна не хватит силы отбросить человека назад, да ещё и одетого в штурмовую кирасу гренадера.

Но гренадер Тагмата-Зима-Альфа-443744875 просто оступился. Замер в неустойчивом положении. Всего лишь на долю секунды. И именно в этот момент ударили пули. Пусть даже они не пробили его кирасу - они всё же убили шедшего первым так же верно, как если бы попали в голое тело.

Проломив спиной ржавое железо перил винтовой служебной лестницы, крутившейся как взбешённая прикосновением горячей палки гадюка внутри и без того тесного забитого до отказа всяким железом бетонного колодца, он, в мгновение ока, потерялся в этом страшном мире, лишился понимания того, где верх, а где низ.

Его первым порывом было за что-нибудь схватиться.

Но он просто не успевал.

Несколько раз ударился о выступающее железо - спасли броня и шлем.

Вспомнив о том, что сейчас он несёт на себе ценное оружие, он попытался выгнуться, перевернуться вертикально, чтобы не задеть ничего ранцевой батареей, не зацепить кабелями питания винтовки - и у него это получилось

Извиваясь, он сумел переместить тело поближе к лифтовым тросам и схватить их мёртвой хваткой.

И даже вытерпеть боль в пальцах.

Когда падение остановилось, он попытался подтянуться, но истёртые о стальные нити тросов, обожжённые покрывавшим их пушечным салом и трением спуска ладони не выдержали веса его тела, брони и оружия.

Пальцы разжались и гренадер Тагмата-Зима-Альфа-443744875 упал ещё раз.

И падал на этот раз, без остановок, пока подошвы его тяжёлых ботинок не ударились о воду, затопившую все нижние этажи Башни из-за прекращения подачи электроэнергии к насосам и холодильникам.

Батарея, импульсник, каска, кираса, поножи, боевая изолирующая маска, толстая серая шинель - даже ботинки.

Всё тянуло на дно.

А Альфа-443 упорно продолжал пытаться плыть наверх, отказываясь бросить хоть что-нибудь из этого. Боясь даже представить как тяжёлая батарея и импульсник исчезают растворяются в мути, исчезают в темноте затопленных этажей насовсем.

Кому он нужен - без оружия?

И сколько он проживёт без него - даже если выплывет?

Придётся бросить всё остальное, вплоть до формы. А сколько он пройдёт, голый, под здешней пыльной бурей, запросто снимающей краску с брони?

Его винтовка тонула быстрее него самого, смотревшего наверх, на спокойную поверхность, на гаснущий в мутной зелёной воде круг белого света.

Найти и вытащить вместе с винтовкой и батареей его труп, запакованный в негниющую ткань шинели будет проще, чем искать оружие на дне отдельно от тела. А значит, его оружие, его броня - ещё послужат.

Всё, что осталось - это короткая и тихая литания покоя.

Но она была прочитана давным-давно. Когда им в первый раз надета штурмовая броня он, оставшийся последним из своего пехотного отделения, в числе прочих имён, он произнёс и своё.

Под водой маска работает не дольше пяти минут.

Императору надоело видеть сон о его жизни.

Пусть же он закончится хорошо.

Зима-Альфа прижал к груди своё оружие, отключил больше не нужные ему механизмы маски и постарался заснуть.

Ему казалось, что у него это не получается. Что стены начинают говорить.

Что говорят они о нём.

Конечно, это было не так. Он никто, слишком малая часть этого мира. Солдат - много, они - легионы, лавина, что раздавит врага.

Но по отдельности, каждый из них - меньше чем камушек...

Грезилось ему это или нет - но вода становилась теплее.

Проснулся он от того, что задыхался. Его изолирующая маска была полна воды, просочившейся сквозь отключённые фильтры.

Он нечаянно вдохнул её. Вода пролилась в носоглотку, откуда, вытолкнутая мощным спазмом мышц вылетела в рот. Эта вода была отвратительной, она пахла тиной, мокрым железом и канализацией.

Гренадер рванулся, сорвал с себя маску. Тяжесть намокшей одежды напомнила ему, что он всё-таки тонет.

Оказывается, на дне затопленных этажей, даже смерти найти его тяжело.

Но вода просто вылилась из маски.

Каким-то непонятным образом, Зима, как был, в броне и с оружием - просто всплыл и сейчас, крепко прижимая к груди свой прожигатель, лежал на поверхности воды, будто насекомое на толстом оконном стекле.

Если то, что было вокруг ещё можно было принять за внутренности Башни, то вода уже была другой.

Она уже не напоминала застоявшееся болото. Нет запаха - даже кислого запаха дезинфекции. Цвет другой, голубой - такой искусственный и ненастоящий голубой - как у неба на плакате.

А ещё она будто светилась изнутри.

Вдалеке раздались едва слышные шаги и какие-то непонятные слова.

Нырять Альфа опасался. Что если нырнув он снова пойдёт на дно? Тонуть, когда уже спасся - было бы глупо. Да и раз он не умер - прежний приказ отделению "Тагмата" в силе.

Подняться. Захватить.

Он должен выбраться отсюда.

Найти своих.

Если никого больше нет - поставленную задачу выполнит он один. Или умрёт.

Закинув прожигатель на спину, мелкими гребками, стараясь плыть как можно тише, гренадер продвигался сквозь похожую, на жидкое стекло воду к самому краю бетонного бассейна.

Никакой лестницы, по которой он мог бы выбраться, здесь не было.

Зато над водой, на высоте двух человеческих ростов, был какой-то странный мостик.

Нащупав ногами какую-то опору в бетоне, Зима, встав на неё, наконец смог передохнуть и перевести дыхание. Он прислонился спиной к стенке, поднял прожигатель и стал ждать. Шаги становились громче, голоса приближались.

- Что же мне с тобой делать? Ты ведь убил ту, которую я выбрал для Большой Игры! Что делать, что делать....

Винтовка выплюнула серию импульсов, но ни один не попал в этого странного, похожего на собаку мутанта - Если хочешь занять их место - ныряй! - снова вспышки рентгеновского пламени, ударившие затрещавший силовой щит, который эта тварь как-то успела поставить между гренадером и собой, - Единственный путь вверх - на дне! - крикнул ему взлетевший под самый потолок мутант.

Гренадер не понимал ни слова из сказанного, но всё же оглянулся вокруг.

-Ныряй!

Мутант. Колдун. Демон.

Раскромсанные тепловым взрывом воды тела так и лежали на мостике. Натёкшие из внутренностей и раскромсанного мяса жидкости смешивались в багровые лужицы, ручейки и тяжёлыми каплями падали в воду, расплываясь по ней похожими на машинное масло тёмными пятнами, .

-Правда, я не успел сказать, -донеслось сверху,- Ни тебе, ни им...

Взбурлившая тысячей пузырей, стена воды поднялась перед гренадером и Тагмата-Зима-Альфа-443744875 понял, что ему хотел сказать этот летающий уродец с вытянутым собачьим черепом. Толстые кривые зубы сомкнулись вокруг мостика на котором лежало тёплое, абсолютно не возражающее,чтоб его съели, мясо, вырвав всю конструкцию из серого искусственного камня с корнем. Зима-Альфа-443 открыл огонь, пытаясь убить Пасть если не одним,то тремя, если не тремя то десятком - попаданий из импульсника в показавшуюся над водой огромную голову.

Маска под водой работает не больше пяти минут.

Диапазон лазера настроен на максимальное поглощение водой.

Это всё что ему оставалось - резать. Воткнуть длинный, в локоть, штык по самую рукоять и тянуть. И напрягая последние силы- тянул, резал. Разрезал своё оружие в резиновую чёрно-белую кожу, раздвигая как лопатой красно-белые пласты жира широким лезвием штыка, делая находившуюся почти около сжатого мышечного кольца дыхла узкую резаную рану рану немного шире.

А химзапал бронебойных гранат мог гореть даже под водой.

Невероятным усилием, Зима смог высвободить из похожей на резину толстой кожи и подкожных слоёв жира лезвие и тут же, вихри воды, порождаемые волнообразными движениями огромного тела отбросили и потащили его назад.

Взрыва он, конечно, не услышал. Но забитая вглубь раны граната не только вырвала огромный кусок из гладкого и мокрого тела. Кумулятивная медно-никелевая игла легко пронзила толщу жира мясо, кости - и мозг.

Зима-Альфа наблюдал за тем, как змееподобная тень погружается на дно бетонного стакана с неестественно синей водой.

Вопреки всем законам природы, он опять медленно всплывал. Не так быстро как в прошлый раз. Но всё же.

Единственный путь вверх - вниз.

Это если он правильно понял вопли и кривляния того урода.

На дно.

Но, ко всему прочему, он ещё и колдун.

А, может, и демон.

Демоны лгут!

И колдуны.

И маска работает под водой не более пяти минут.

Успеет ли?

И если такое жило в затопленных подвалах и нижних этажах, то кто знает... Крови много - даже вода помутнела. А смерть крупного хищника всегда привлекает тварей поменьше. Зима схватил колыхавшиеся в воде огромные "усы», отходившие от хребта мёртвой Пасти .

Наверх.

Демоны лгут, но идти он обязан.

Всё равно другого пути не было.

Сначала Наби бежала спасаясь от чего-то большого и страшного, что двинулось в её сторону. Наби не сможет сражаться со всеми этими огромными красными, белыми, многорукими... Пущенное сильной рукой копье ударило совсем рядом с ней, глубоко уйдя в землю. Его острие вполне могло сойти меч. Его края были так остры, что Наби не сразу заметила разрез на платье и сбегающую вниз по голенькой ножке красную каплю. Но гул подлетающего древка и внезапный удар были достаточно страшны. Нет, не может.

Зато Наби маленькая, незаметная и прекрасно знает как прятаться - те, кто беден, но не умеет быть незаметным, остаются голодными даже на известной по всей Внешней Зоне Вселенской Ярмарке города Ихэ. А ведь на ней можно найти всё, в том числе и пирожки-"ракушки" с жареным мясом. Очень вкусные, горячие истекающие до одурения пряно пахнущим соком... Главное - схватить! Вонзить зубы! И бежать!

Копье начало таять, источая красный дым, утекающий багровой струйкой куда-то за горизонт, к хозяину оружия.

В том, что будет ещё один бросок -сомневаться не приходилось.

Бежать.

Под ногу подвернулся случайный камешек и девочка упала, едва успев выставить руки. Не обращая внимания на боль в основании ладоней, принявших на себя основной удар и разодранные коленки, девочка поползла.

О, она хорошо усвоила уроки улиц Ихэ!

Тех, кто не может убежать или спрятаться - ловят гьонги в чёрных халатах и острых шапочках с перьями.

Сначала просто бьют своими короткими дубинками.

Во второй раз -в колоду. И двенадцать ударов по пяткам.

Пойманных в третий раз не бывает.

Великий и славный город Ихэ должен процветать, гости Вселенской Ярмарки - уходить довольными. А тех, кто мешает тому и другому - надо наказывать.

Мудрее великого гуна дома Ихэ не скажешь.

Только им не надо думать о как наесться досыта на сегодня. И пирожки-"ракушки", жареные в кипящем масле, им приносят целыми горами- лопай хоть до следующего рассвета!

Ну ничего. И у Наби будут пирожки, которые не стыдно было бы подать к столу великого гуна. У неё будет всё. Лишь бы выжить. Жить, жить... Жить! Сейчас и всегда! Каким образом устроивший Великую игру Император, его слуги и сама Нангияла избирают победителей -непонятно. Важно лишь,что все, кто победит в ней -останутся жить, жить, жить! ЖИТЬ!

Розовое, будто выточенное из аметиста, копьё ударило рядом с её ногой
Кого просить о помощи?

Император не слышит её. А если и слышит-то врядли поспешит помочь.

И никто не услышит. И никто не поможет.

Таковы правила первой башни. И всех башен.

В Большой Игре каждый сам за себя.

Чтож, значит, она не выжила.

По крайней мере, эти четыре дня здесь было достаточно тепло - не как в Ихэ. Она могла бы жить здесь всю жизнь - но как бы она не пряталась, четырёхрук всё равно находит её. Несмотря на все её хитрости, несмотря на высокую пахучую траву - копьё, раз за разом, вонзается в сухую землю рядом с ней таким звуком будто лопался огромный нарыв.

Наби свернулась в клубок и беззвучно заплакала.

Ну зачем, зачем таких как она, слабых, способных лишь умереть - ловят, забирают из тюрем и отводят ко входу в башни?

Зачем вообще эти испытания?

Разве Император не может выполнить желания... все-все-все желания? Всех-всех-всех?

Просто так? Он же может всё!

Нет, он даже родню свою гонит - к башням,внутри. И тоже на сто первый уровень.

Значит, тебе-то точно никто не поможет.

Наби очень хотелось жить.

Здесь, на краю жизни, старые глупые мечты из которых она выросла, как вырастают из одежды, становились как никогда сильны. Словно бы её мозг стремился сжечь всё то топливо, что отводилось на радость для всей жизни - в один день, в одну секунду остававшуюся у Наби до смерти.

Когда-то, давным-давно, Наби хотела, чтобы за ней пришёл ... Ну, кто-то. Врядли это будет Император или даже великий гун, но что это будет могучий отважный воин - уж точно. О, пусть как угодно -только подальше бы от улиц Ихэ! Она была готова служить ему как сможет, носить его вещи,чистить коня, одежду... Что угодно.

А,может, оказалось бы,что он спас её не случайно и она не просто Наби-Мотылёк с Горшечной улицы, а дочь...

-ИГХЭЭЭ!- отразился от далёкого неба звук,похожий на одновременный звон миллионов мушиных крыльев.

Великан, преследовавший её вот уже два дня, всегда так кричал, прежде чем бросить своё копье -неизменно вонзавшееся в землю рядом с Наби.

Вызывал на бой? Скорее, смеялся, обещая быструю смерть. Впрочем, никто не знает всех наречий Башни, даже бывалые путешественники. А откуда знать их маленькой девочке, никогда бывшей нигде дальше Южных Ворот? На Ярмарке, конечно, встречаются всякие, и куда более странные, чем её преследователь. Но на Ярмарке и говорят все только на Торговом Наречии - универсальном языке, простом и ясном, основанном на структуре Хео, божественной воды, и потому - понятным любому разумному...

-Игхэээ! -раскрылись челюсти-жвалы на лице, похожем на пластинчатый шлем или закрученную в спираль раковину гигантского моллюска.

А может, в этом крике вообще не было никакого смысла.

Надо было бежать, её заметили.

Но Наби обернулась.

Гигант, действительно, замахивался, готовясь метнуть копье. Но целился он не в Наби. Наби сейчас видела лишь перекатывающиеся под бледной кожей его спины шары мышц.

Так и не успев бросить копье, золотоголовый словно бы взорвался. Из головы-шлема ударила струйка крови. В ту же секунду, огромные как крепостные валы, мускулы спины просто лопнули. Фонтан каких-то жидкостей, видный даже с того расстояния, которое разделяло Наби и её преследователя, ударил из внезапно появившейся в плоти великана огромной каверны.

Стрелок два дня шёл по следу опасного бойца.

Он знал, он уже встречал таких.

Эх-чжи, раса насекомоподобных гигантов. Охотники из бесконечных степей внешней зоны на пятидесятом уровне. Чудовищно живучие. Чудовищно сильные. И очень осторожные, как он убедился только что.

Серо-стальная полоска затвора сдвинулась, открывая ненасытный рот винтовки.

Оружие выплюнуло плоскую серую таблетку - то,что осталось от капсуля, когда-то вмещавшего ничтожную частицу силы хео. Ничтожную, но достаточную для того чтобы обратить материю гильзы и наполнителя в разогретый газ.

Несмотря на все его предосторожности.

Несмотря на плащ-хамелеон,искажающий текущие через его тело течения хео.

Несмотря на то,что эх-чжи был увлечён погоней за этой девчонкой.

Его заметили.

Ему очень повезло попасть в узкую питательную щель на головопанцире с такого расстояния - а только так и можно было сразить эх-чжи первым выстрелом из винтовки его калибра.

Ну да! Конечно же! Щель! Она заменяет эх-чжи и нос, и рот. Насыщена нервными окончаниями до предела. Любая химическая субстанция разбирается внутри головошлема охотника чуть ли не на отдельные атомы... Как он мог забыть об их сверхъестественном обонянии!

Он не мог поверить в своё везение. Стрелок больше надеялся сбить сосредоточенность, помешать эх-чжи воспользоваться хео и метнуть своё копье. Но не убить. Поэтому, чисто автоматически, загнал новый патрон и поднёс прицел к глазу. Нет, эх-чжи был убит, но... Стрелок всё равно взглянул на чудище через оптический прицел ещё раз .

И только сейчас понял что было не так.

Из левого бока разумного насекомого словно бы вырвали огромный кусок.

И он точно знал, что эту рану нанёс не он.

Девчонка? Эта мелкая? Так владеть силой хео?

Может, он не так понял - кто здесь был охотник, а кто жертва?

В любом случае, вот она, как на ладони. Стоит. Её красная кофта отлично видна среди желто-коричневой сухой травы. Идеальная цель.

Бум!

Да стой ты, дура!

Почувствовать что-то до того, как лазер расплавил его винтовку, Стрелок не успел. Боль и ослепительный свет слились в одно, разорвав на части защищённое только камуфляжем тело.

- ... несущий моим врагам смерть, скажи...

Детали, отсоединённые в процессе неполной разборки, лежали на расстеленной шинели, в строгой последовательности обратного. Например, искровик, переводивший специально нанесённый для этого на стенки из керамики никель в пар, источник когерентного излучения -лежал рядом с огневой камерой. К которой его и надлежало присоединить...

А ближе всего к нему лежал шестизарядный бундель. С одним пустым гнездом.

Уродливый, грубый - трофей. Такие же Наби видела иногда у гьонгов- не обритых лабэнов, которым полагались только дубинки, а у тех, кто уже носил шапку и значок чжунши. И ещё богатых торговцев.

-... мне своё имя.

Наби захлестнуло кипящей, клокочущей волной радости. Безликий воин с красными лягушачьими глазами без зрачков так ни разу не взглянул на неё. Просто за спиной поражённой Наби, глядевшей как падает её недавний враг, взметнулся фонтан песка. И

ещё один. А когда она побежала, развевающаяся накидка вдруг вспыхнула. Срывая её с себя, она не заметила, как появился этот человек в странной одежде и шлеме.

Но наконец, он что-то спросил. Наверняка её имя!

За всё время, что они шли вместе - точнее, это она шла вместе с ним, боясь отстать от него, - он ни разу не заговорил с ней.

-Я - На Лю Бин, господин - ответила она ему на торговом наречии, пытаясь угадать ответ на заданный на непонятном наречии вопрос.

Солдат оторвался от своего занятия и посмотрел на свою нечаянную спутницу. Из-за маски было не видно его лица, но в воздухе повисло неловкое молчание. Набравшись смелости, Наби наконец, спросила:

-А вас как мне называть, господин?

Он что-то сказал, но из всего произнесённого им, девочка поняла только слово "Луций". Должно быть, это и было его имя.

Концентрические кольца синего света катились по небу как гребни волн на далёкий берег.

Раз их видно - значит, скоро уже погасят свет и наступит темнота.

Луций, оставив своё занятие, смотрел вверх, будто впервые встречал ежедневное угасание хео.

-Говорят, что колец прокатывается по небу столько же, сколько башен у Нангиялы. А у них нет числа, - девочка змеей скользнула к своему спасителю. От него пахло потом, дымом и сотней других, незнакомых Наби вещей. Он не возражал, - Но ведь угасание хео каждый вечер не длится бесконечно. Недаром же говорят, что шагая по башням можно дойти до самых звёзд. А значит, и конец у этого пути тоже должен быть. Даже где-то там, у самых звёзд...

Возникшие из ниоткуда лучи задвигались, очертив в воздухе в мерцающую синим светом полупрозрачную пирамиду.

-Ваше испытание закончено. Вы можете идти выше.

Голос раздавался со всех сторон сразу и ниоткуда одновременно.

Наби не могла поверить - ей удалось прожить эти десять дней!

Заслужить право идти дальше.

Наверх!

Там сытнее. Там ... случится что-то хорошее. Попасть к воротам третьей башни - уже многое значит. Конечно, без этого воина её бы просто убили. Но везение - это тоже сила! И сейчас - она победила. Может, она даже научится управлять течениями хео и станет... От радости, Наби не ощущала как её ноги касаются земли.

Случайный порыв ветра приласкал её, поиграв с её волосами. Невесомая бронза волос сдвинулась набок, обнажив дотолё прикрытый небольшой рог на лбу.

Наби не обратила на это никакого внимания. Она обернулась к Люцию:

- Пойдём!- крикнула она радостно, потянув его рукав.

Он не двигался.

Линзы его маски скрывали глаза, но Наби откуда-то знала, что он смотрит ей в лицо:

- Что...? - её рука почти коснулась показавшегося из-под сдвинутой набок копны волос небольшого мягкого рога.

Люций молчал.

Оружие, дотеле перекинутое через плечо, смотрело прямо на неё.

Запел разрядник в батарейном блоке.

Что случилось? Люций же позволял ей оставаться рядом с ним. Убивал тех, кто пытался убить их.

Может...

Она оглянулась, в надежде увидеть за спиной что-то во что он сейчас целился. Но, к сожалению, врагов, кроме неё, здесь не было.

Почти похожа на человека. Зима шагнул вперёд, к ещё светящейся пирамиде. Он даже не заметил как подошва его ботинка вдавила в землю остававшуюся относительно целой голову мутантки. Что-то хрустнуло. Он даже не посмотрел себе под ноги.

Наверх.

Вершина Башни.

Даже если этих странных пространств тут бесконечное число. Даже если ему пока что приходится играть по правилам этого колдовского мира.

Приказ никто не отменял.